

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

ЧЕМПИОН ТЮРЕМНОГО РИНГА

ЭТОТ ПОЕДИНОК СУДЯТ НА НЕБЕСАХ

Александр Александрович Тамоников
Чемпион тюремного ринга
Серия «Тамоников.
Донбасс. Роман-отражение»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17360041

Чемпион тюремного ринга / Александр Тамоников: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-86314-3

Аннотация

Разведгруппа ополчения под командованием старшего лейтенанта Ильи Ткача попала в засаду. Из троих разведчиков только одному удалось прорваться к своим и сообщить о готовящемся наступлении украинских силовиков. Сам Ткач захвачен в плен. В концлагере, куда его сажают, царят самые жестокие порядки: заключенных пытаются, морят голодом, унижают. Но на Илью у мучителей особые виды. Его заставляют биться на боксерском ринге. Разведчик и здесь держит марку, до тех пор, пока его противником не становится сам начальник лагеря...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Тамоников

Чемпион тюремного ринга

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом
авторского воображения. Всякие совпадения
случайны и непреднамеренны.*

А. Тамоников

Глава 1

Шестое августа, день атомной бомбардировки Хиросимы, украинские силовики отметили массированным обстрелом села Рудного, расположенного в самом сердце Краснодарского района. Что это было, никто не понял. Бойцы самопровозглашенной республики последний раз заходили в село пару месяцев назад. В нем не было ни складов, ни центров связи, ни элементов инфраструктуры, которую ополченцы могли бы использовать в своих целях.

Поселок городского типа Краснодол восточнее Рудного, забитый ополченцами, в эту ночь силовиков не интересовал. Поселок Мазино на севере, где дислоцировалась мотострелковая рота повстанцев, – тоже. Никогда до текущего дня село Рудное, состоящее из полутора сотен дворов, не подвергалось ударам.

Стреляли из окрестностей села Паленого, расположенного в восьми верстах на запад, за линией разграничения. Первый залп самоходных 152-мм гаубиц «Акация» прогремел ровно в одиннадцать вечера. Снаряды поразили церковь, раскололи пополам купол и проделали в стене дыру размером с алтарь.

Еще один снаряд угодил в теремок администрации, расположенный неподалеку. В нем недавно сделали ремонт. Обрушились межкомнатные перегородки, вспыхнул пожар.

Второй залп разнес в щепки трансформаторный узел и поднял в воздух единственный магазин вместе с немногочисленными нереализованными товарами. От третьего залпа превратилась в руины, горящие голубым пламенем, местная газораспределительная станция.

За «Акациями» вступила в действие батарея 120-мм полковых минометов. Им точность уже не требовалась – дома в селе стояли кучно. Залпы следовали один за другим. Мины протяжно были на подлете, с треском взрывались, валили деревья, разносили в клочки дворовые постройки и опрятные жилища сельчан.

После первых же залпов пространство над селом заполнилось криками ужаса. Люди в панике выбегали из домов. Местность была озарена как днем. Взрывы сопровождались яркими вспышками. Многие дома уже горели. Село заволокло дымом. Обстрел принимал хаотичный характер. Взрывы рвали дорогу, валили заборы. Группу бегущих сельчан накрыла мина, перемешала фрагменты тел с кусками дорожного покрытия.

Люди ныряли в подполы и погреба, вырытые в огородах. Мужчины хватали в охапки женщин, детей, стариков, стаскивали вниз. Но основную массу населения страх гнал прочь из села. Кто-то выводил из гаражей машины, кто-то бежал на восточную околицу.

Самое страшное началось, когда несколько снарядов кучно легли на дорогу за окраиной села и проделали в проезжей

части глубокие воронки. Кюветы в этом месте отличались крутизной, и проехать на личном транспорте могли немногие. Лишь одному грузовичку с высокой колесной базой удалось одолеть канаву и вырваться в поле. Остальные машины доезжали до воронок и останавливались. Суетились отцы семейств, вытаскивали из салонов своих родных, чтобы дальше двигаться пешком.

Украинские артиллеристы находились в Паленом, но имели глаза и уши в Рудном! Они мгновенно, с какой-то патологической страстью перенесли огонь на восточную окраину села. Взрывы кромсали поле, засаженное картошкой, расшвыривали ботву, накрывали бегущих людей.

Старенькие «Жигули», «Таврии» и потрепанные иномарки спешно разворачивались, пытались пробиться обратно в село. Одна из машин съехала в кювет левыми колесами, водитель газовал, но без толку. В салоне плакал ребенок. Из машины выбрались две женщины, растрепанные, рыдающие, стали ее вытаскивать, но сил на это у них не хватало.

Неподалеку в поле прогремел взрыв. Застраивший автомобиль посеколо осколками. Пожилую женщину отбросило от машины, она упала, разбросала руки. У той, что помоложе, видимо, ее дочери, осколком распорол бедро, она сползла по капоту, надрывно кричала, обливалась кровью. Водитель из машины не вышел, ребенок перестал кричать. В живых осталась лишь молодая пышнотелая женщина. Она ползла по грязи с кровоточащей ногой.

Обстрел оборвался так же внезапно, как и начался. Замолчали минометы и САУ. Нависла напряженная тишина. Лишь клубы зловонного дыма расплзались над обстрелянным селом. Горели деревянные постройки, чадил старенький микроавтобус, сползший бампером в воронку.

Люди, залегшие в поле, поднимались, начинали неуверенно перекликаться. Выли и метались женщины, потерявшие в суматохе своих родных. Из погребов и подполов выбирались сельчане, бросались тушить огонь. Те, у кого дома уцелели, помогали соседям. Над истерзанным селом завис надрывный бабий вой.

Мужчина с обожженным лицом возился на дороге, помогал сесть в машину полной пожилой женщине с отказавшей ногой, видимо теще. Та лезла внутрь вместе с костылями, ругалась.

– Мама, как выскочить из машины, так вы сами, быстрее кролика, а как обратно, так вы инвалид, только и можете меня поносить. Радуйтесь, что целы остались! – бормотал сельчанин.

Вдруг он что-то заметил в поле, бросил женщину, пытавшуюся забраться в машину, кинулся к обочине и начал всматриваться в даль. Он кричал, тыкал пальцем в одинокую фигурку, какими-то зигзагами удаляющуюся по полю. Беглец нырнул в ложбину на краю картофельных делянок, но она оказалась неглубокой. Голова этого типа была хорошо освещена нереально яркой, какой-то раскаленной луной.

– Это корректировщик, люди! – заорал мужчина, наверняка знакомый с особенностями ведения артиллерийского огня. – Эта падла наводила пушки хохлов на наше село!

Эти слова получили горячий отклик. Люди негодуяюще взревели. Несколько человек, находившихся на поле, пустились в погоню. Кто-то подобрал жердину, размахивал ею. Двое бросились в обход. Они прекрасно знали, куда выходит ложбина. Беглец сообразил, что ему светит, выбрался из оврага, побежал напрямик через поле к лесу, синеему за ним. Но тот был далеко, а сельчан подгоняла праведная ярость. С обочины дороги съехала «Нива», запрыгала по кочкам.

Селяне догнали беглеца метрах в пятистах от дороги. Этот субъект не был мастером по бегу с препятствиями, запыхался, скулил от отчаяния. Ноги его заплелись в борозде, он упал, разбил нос, кряхтел, возясь в ботве, полз на коленях. «Нива» с ревом подлетела к нему и затормозила. Он вскочил, начал метаться, охваченный страхом.

Из машины выпрыгнул водитель с монтировкой, пожилой, обуянный бешенством. Сзади подбегали мужики и пара растрепанных женщин. Наводчик кинулся в узкий просвет между ними, используя последнюю надежду уйти от самосуда. Водитель «Нивы» швырнул монтировку. Она ударила беглеца по спине. Мужчина вскричал от боли, покатился, а когда поднялся, вокруг него уже сжималось кольцо из разъяренных сельчан. Он защищался руками, дрожал, глаза

шныряли. Невысокий, сутулый, нескладный, с блестящими от пота залысинами.

– Хлопцы, вы чего, – блеял он, старательно заикаясь, – вы ж не так поняли...

– Гребни меня семеро! – изумленно воскликнул мужик с жердиной. – Да это же Леська Свинарь! Что, падла, вот и посетил родное село? Давненько тебя тут не видели! Мужики, узнаете Леську? А мы уже забыли про этого муделя!

– Хлопцы, вы неправильно поняли, – бубнил наводчик, отчаянно моргая.

Он вытягивал голову в плечи, руки тряслись.

– Я ничего не делал, просто мимо проходил.

– Мимо, говоришь, проходил? – процедил мужик. – А это что у тебя? – Он схватил Свиная за шиворот, выудил из внутреннего кармана задрипанной курточки портативную рацию, которую тот забыл выбросить. – В радионяню играешь, сука? – Дядька с размаха ударил рацией по зубам наводчика.

Тот заскулил, выплевывая кровь, начал что-то бормотать в свое оправдание. Его узнали, и это не прибавило людям добрых чувств по отношению к нему.

Алексей Свинарь, скользкая и неприятная персона, несколько лет заведовал в Рудном продуктовым магазином. Он проворовался, отсидел не много, всего полтора года, воспользовался связями, вернулся, с подачи вышестоящего начальства заделался старшим рыбинспектором, но и на этом

поприще долго не продержался. Глава местной администрации пинком спровадил Лешку с крыльца, когда тот пытался его подкупить.

В один прекрасный день обозленный Свинарь пропал, съехал из дома. Семьи у него не было. Кто-то сказывал, что он вроде записался в украинскую армию, чтобы мстить своим бывшим землякам.

– Ты мужа моего убил, сволочь! – запричитала женщина средних лет с вытянутым рыбьим лицом.

Ее волосы обгорели, в глазах металось безумие. Она прыгнула дикой кошкой, отвесила предателю затрещину. Свинарь от страха перестал соображать, оттолкнул женщину, попытлся. Та упала, подвернула ногу, закричала от боли. Возможно, его и пощадили бы, но этот инцидент стал последней каплей.

На наводчика в ярости набросилась толпа. Мужчины, женщины, подростки повалили его на землю и стали бить ногами. Мелькала мантировка, поднималась и опускалась жердина. Свинарь извивался, умолял о пощаде. Но люди уже входили в раж, мстили за разрушенное жилище, за погибших и пострадавших! Ярость туманила рассудок. Трещали и ломались кости. Движения наводчика замедлялись, глаза подергивались туманом. Кровавая пена пошла изо рта.

– Эй, не убивайте его! – спохватился кто-то. – Это же наводчик, он знает, кто стрелял и откуда! Убьете – хрен что расскажет! А завтра укропы опять раструбят по всей Евро-

пе, что пьяные ополченцы снова обстреляли мирное село на своей территории!

Народ опомнился, стал оттаскивать разгулявшегося мужика с жердиной. А тот старательно трудился в полном иступлении, колотил неподвижное туловище так, словно выбивал из него пыль. Его насилу оттащили, швырнули в траву.

Свинарь уже отмучился. Он несколько раз вздрогнул, поскреб ногтями землю и затих.

– Да ладно, черт с ним, собаке – собачья смерть. – Шофер с монтировкой плюнул на мертвеца и отвернулся.

Потрясенные, еще не пришедшие в себя люди неприкаянно блуждали по полю. Над селом разгоралось зарево. Попытки людей самостоятельно тушить огонь большей частью не удавались.

С востока уже приближалась колонна машин с горящими проблесковыми маячками. Ехали спасатели, пожарные, медики. С севера тоже шла подмога. Из Мазино спешила техника ополченцев, крайне озабоченных взрывами, грохотавшими в соседнем селе.

Этот внезапный ночной удар по мирному населенному пункту не мог не навести на размышления командиров ополчения. Не зреет ли очередная медийная провокация со стороны киевской хунты?

А в двадцати верстах севернее Рудного у людей в эту ночь были другие проблемы. Машина сломалась на самом интересном месте, когда до своих позиций оставалось лишь поле

перейти, вернее переехать. А вот теперь ополченцам предстояло переползти его, учитывая тот факт, что на западе за их спинами разразилась стрельба. Выхать к своим можно было только по этой дороге. И вдруг такой конфуз!

Сергея Якушенко, молодой светловолосый спецназовец, лихорадочно работал ключом зажигания, выдавая фразеологические обороты, вполне уместные в таком случае. Но «УАЗ», заляпанный грязью, встал как крейсер «Аврора» у причала, подвел своих пассажиров в самый ответственный момент.

– Стартер дуба дал, мать его! – рычал в сердцах Якушенко. – Трындец, командир, теперь эта хрень на базе самоката! Толкать будем?

Количество интеллигентных людей в салоне «УАЗа» резко сократилось. Старший лейтенант Илья Ткач, командир взвода специальной разведки, на данный момент руководивший малочисленной группой, в отчаянии кусал губы. Он обернулся.

За его спиной дорога выскакивала из леса, тянулись бугры, испещренные кустами полевой растительностью, темнел лес. А прямо по курсу раскинулось большое поле, где практически негде спрятаться. На том его конце, в темнеющей дали, стоит блокпост ополчения, где ребята несут службу дено и ночью, но как туда добраться? А погоня на двух бронетранспортерах уже вот-вот вырвется из леса и просто смоем маленькую группу ливнем свинца!

— Я так и знал, — прекратив материться, обреченно вымолвил подтянутый обладатель высшего инженерного образования капитан запаса тридцатипятилетний Антон Беженцев. — А вы еще спорили: паранойя или интуиция. Все в порядке, командир. — Он невесело подмигнул Илье. — Нет таких безвыходных ситуаций, в которые мы не могли бы попасть. Прорвемся. А ты чего обрадовался? А ну, лежи смирно! Еще не опрокинулся на твоей улице грузовик со счастьем! — Он пихнул каблуком мужчину в камуфляже, лежащего между сиденьями.

У того были связаны руки, рот заклеен скотчем. Он перестал извиваться, но продолжал гневно мычать.

— И что расселись как на именинах? — прорычал Ткач, ногой распахивая дверцу. — Все к машине, и вперед! Полковник, подъем! — проорал он связанному человеку. — Вы сейчас побежите вместе со всеми, уяснили? И помните, что у нас очень хорошо поставлены удары по почкам!

Чертыхаясь, гремя снаряжением, ополченцы выпрыгнули из машины. Пленника вытащили за ноги, придали вертикаль, заставили бежать. Тот пыхтел, но слушался. Бесполезно дергаться, когда к затылку приставлен ствол. Трое спецназовцев и один «язык» припустили через поле.

Илья бежал последним, постоянно озирался. Немел затылок, что-то яростно царапало под левой лопаткой. Ничего себе паранойя! Погоня вырывалась из леса, свет фар облизывал застывшие на опушке деревья. Рев форсированных дви-

гателей вгрызлся в уши.

Несколько часов назад командира взвода специальной разведки вызвал к себе майор Караба Богдан Мстиславович, командир отдельного батальона ополчения, дислоцированного в Краснодоле. Комбат был непривычно возбужден, метался по дому, в котором устроил себе штаб. Карта уже была расстелена на столе.

Комбат ткнул в нее мясистым пальцем.

– Гляди и запоминай, старлей. Вот Верхонка, восемь верст от разделительной полосы. Здесь у хохлов стоит батарея гаубиц Д-30, до роты мотострелков, разведвзвод и две сломянные «Гвоздики». Информация от нашего агента в штабе механизированной бригады: в Верхонку через час прибывает важная инспекция с солидной охраной. В ее составе два инструктора НАТО и высокий чин из того же альянса. Это не считая полковника Мартыненко из разведывательного управления украинского Генштаба. Цель визита не вполне ясна. Вроде будут отбирать людей для отправки в серьезную разведшколу. Но это неважно. Твоя задача – пробраться в Верхонку малыми силами, изучить возможность поимки и доставки в наше расположение натовского офицера. Следи за пальцем – это маршрут. Краем болота, километр по лугу, лесная дорога, в обход холмов по заброшенной грунтовке. Вот здесь когда-то был оползень, дорогу закрыли. Имеется объезд по полю. Селение разбросано по холмам, мирных жителей там почти не осталось. К наступлению темноты вы

должны быть на месте. Мне плевать, как вы это сделаете. Без «языка» не возвращаться.

Соблазн поймать столь крупную рыбу был велик.

– Что ж, как стемнеет, будем брать, – рассудительно изрек Беженцев, когда Илья поставил перед подчиненными задачу.

Разведчики были опытные, район знали досконально. В разливах тумана, затопившего низины с приходом темноты, машина разведгруппы ювелирно, с погашенными фарами, прошла между дозорами противника и углубилась в лес.

Через час ополченцы припрятали «УАЗ» в заброшенном хлеву на опушке и стали подкрадываться к Верхонке. Первый же попавшийся часовой долго не упирался, выложил всю правду. Его не стали убивать, дали по башке, отключили до утра.

Инспекторы действительно приехали в распоряжение части, дислоцированной на западной окраине Верхонки. Им устроили радушный прием: обильное угощение, выпивка, баня. Они и сейчас там веселятся, потребляют. Баня неподалеку, на склоне холма, на берегу очень быстрой реки.

Нападения гуляющие гости, разумеется, не ждали. Вторжение трех леших, обвешанных листвой и камуфляжной мешковиной, стало для них полным сюрпризом. Разведчики атаковали бесшумно, сняли часовых, вырубili двух натовских инструкторов и одного украинского офицера, пьющих пиво на веранде. Языковой барьер тут не оказался помехой.

– Каждой твари – по харе, – остроумно прокомментиро-

вал Якушенко.

Затем спецназовцы просочились в строение и на втором этаже взяли гостей тепленькими. Оба в халатах, разомлевшие после душной парной, возлежали на лежанках и разминались пенными напитками. Иностранный инспектор оказался мясист и несговорчив. Откуда столько прыти в заплывших телесах?

Он оттолкнул Беженцева и бросился к лестнице. Антон успел выставить ногу. Лестница оказалась крута. Грузное тело катилось по ней, ломая перила. Антон прыгнул за ним, оседлал у подножия, чтобы выбить дух из строптивного иностранца.

– Остановись, боец, – мрачно заметил сверху Илья. – Не надо делать то, что ты уже сотворил.

Голова иноземца была вывернута самым противоестественным образом, изо рта свешивался синий язык, весь в пупырышках. Разведчикам пришлось довольствоваться украинским полковником.

– А что? – рассудительно заметил Якушенко. – Тоже неплохо. Реальный полковник, да еще из управления разведки. Прикиньте, сколько он всего знает.

Полковник Мартыненко еще не отошел от шока, поэтому сопротивления не оказывал. Ему дали возможность одеться, предупредили о расплате за глупость. Совету украинский герой не внял. Сперва он вроде вел себя смирно, а когда его выгрузили из окна в задний двор, попытался дать деру и по-

звать на помощь.

Опасность была реальна. Село наводнили украинские военнослужащие.

Полковника успокоили, надавали по сусалам, захомутали, заткнули рот и приказали ползти к забору со связанными руками. Сперва все шло неплохо, но, видимо, после ухода разведчиков в баню кто-то наведалься. Над селом взревела сирена, вспыхнули прожектора, установленные на вершинах возвышенностей. До этого укрупы, видимо, сэкономили электричество. Населенный пункт огласился лязгом и гамом.

На этот раз им не дали уйти из поля зрения. Бэтэры с пехотой выезжали из леса, прожектора слепили глаза. Группа разведчиков бежала в стороне от дороги, направляясь к дальнему лесу. Связанного полковника гнали пинками – он делал вид, что немеют ноги.

Украинцы обнаружили брошенный «УАЗ». Бронетранспортеры остановились, прожектора ощупывали пространство, заросшее травами.

– Ложись! – прохрипел Ткач, схватил за шиворот ковыляющего полковника и швырнул его на землю.

Остальные попадали в стороне. Вскоре над ними уже барражировали лучи прожекторов, цеплялись друг за дружку, разбегались, ощупывали неровности земли. Спецназовцы лежали неподвижно, изображали невнятные бугорки на местности. Возня полковника пресекалась элементарно – ребром ладони по загривку.

Ситуация складывалась неприятная. Сомнительно, что укропов сразила куриная слепота. Еще немного, и разведчиков заметят. Подвергнут обстрелу. Бэтээры понесутся по дороге и отрежут спецназ от дальнего леса, в котором, по идее, находятся свои.

В тылу урчали двигатели на холостом ходу, пехота спрыгивала с брони. Офицер что-то кричал в рацию. Двигаться дальше противник, похоже, боялся.

Бойцы терпеливо выжидали, вжавшись в землю. Лучи прожектора еще не покинули квадрат, шныряли по земле и по воздуху.

«Выявят и расстреляют, – тоскливо думал Илья. – И плевать им, что вместе с нами завалят целого полковника из управления разведки. Для них он предпочтительнее мертвый, нежели взятый в плен».

Он лежал в неудобной позе. Затекла нога. Илья подтянул ее под себя, пошевелил пальцами. Автомат был заброшен за спину, клык затвора впивался в нее.

Закряхтел полковник ВСУ, лежащий рядом. Илья нащупал нож в чехле. В принципе, господин Мартыненко предупрежден, да и не враг он своему здоровью. Полковник был в меру упитан – отъелся на киевских харчах. Но форму худо-бедно поддерживал, внешность имел представительную. Он снова сопел, как-то судорожно ерзал, хотя попыток к бегству не предпринимал. Сейчас они смотрелись бы странно. Никто не будет разбираться, что за фрукт бежит по полю.

– Эй, заклинатели божьих коровок, вы как? – прошипел он.

– Чего-то я приуныл, – скупно отозвался Якушенко, высывая нос из-под вороха маскировочного одеяния.

– Экзистенциальная тоска у товарища, – заявил Беженцев. – Он сегодня в положении.

– В каком? – не понял Якушенко.

– В интересном.

– Да иди ты, – буркнул Серега. – Слушай, командир, может, рванем? Прожектор уйдет, встаем и чешем. Наши поймут. Ты же доложил, где мы находимся, да? Прикроют огнем. Нам пробежать всего-то метров шестьсот.

– Я извиняюсь, Сережа. – Беженцев перешел на одесский «прононс». – Вы хотели бы получить удовольствие от ситуации?

– И помни, боец, сегодня ты крут, а завтра ты труп, – добавил Илья.

Он лихорадочно думал. Идея бежать в полный рост откровенно бездарна. Передвигаться можно лишь ползком, рискуя в любой момент быть замеченными. Да и хохлы не будут ждать, пока они проползут эти шестьсот метров. Офицер дождется приказа начальства и отдаст команду. Пехота двинется по полю, бэтээры – по дороге. Никто не знает, чем это кончится.

Лучи прожекторов тем временем переместились на южную сторону дороги.

– Ползем! – скомандовал Ткач и схватил полковника за шиворот.

Тот ерзал, издавал странные звуки, природа которых стала ясна чуть позднее. Он отплевывал перегрызенный скотч.

– Вы с ума сошли!.. – захрипел Мартыненко, и даже удар по загривку его не успокоил. – Всерьез считаете, что сможете уйти? Давайте договоримся. Я обещаю, что вы останетесь живы. – У этого мужика, охваченного страхом, хватало ума не разразиться криком.

Он понимал, что в случае обстрела погибнет первым.

– А чего он так ерзает? – насторожился Якушенко.

– И ты бы ерзал, – сказал Беженцев. – Выпитое пиво погулять просится.

– Развяжите мне руки, – прохрипел полковник. – Будьте людьми, дайте справить нужду. Я сделаю это лежа.

– Боже, к чему такие подробности? – спросил Беженцев.

– Отставить, полковник! – Еще один удар выше шейных позвонков заставил пленника икнуть и шумно выдохнуть. – Делайте в штаны, сегодня можно. А в следующий раз, выезжая к линии фронта, не забудьте взять с собой подгузники. Вперед, я вам сказал! Ползите, не злите нас, не поднимайте голову. Учтите, пан полковник, мы не всегда будем такими добрыми.

Четыре бугорка активно смещались по диагонали, в сторону от дороги, представляющей первостепенную опасность. За спиной ревели двигатели. В рядах противника продолжа-

лась заминка.

«Накрыть бы их минометами, – размечтался Илья. – Так хорошо стоят».

– Мама дорогая, что я тут делаю? – бубнил Якушенко, перебираясь в очередную борозду.

– Ты, Серега, содействуешь миру и стабильности в регионе, – пошутил Беженцев, скатываясь в ту же яму.

Черт бы побрал полковника Мартыненко с его медвежьими повадками! Возможно, он и не хотел подставляться под пули, просто был нерасторопен, но какая теперь разница! Луч света внезапно побежал по полю, пересек дорогу и высветил отставленную задницу важного деятеля украинской разведки. Теперь он точно в штаны наделал! Луч уперся в пятую точку, которая вдруг начала извиваться.

От опушки прозвучал пронзительный крик. Украинские силовики пришли в движение, и началась свистопляска. Ударил крупнокалиберный КПВТ, и пули завывали над головой. К нему присоединился второй пулемет, плотность стрельбы возросла. Сквозь тархтение пулеметов прослушивались рваные автоматные очереди.

Беженцев и Якушенко остались лежать в борозде, дружно выражались. Илья со злостью двинул полковника в бедро, схватил за шиворот, поволок за ближайший бугор. Тугая очередь лишь чудом не зацепила людей.

С каким удовольствием Ткач надавал бы тумачов этому вельможному пану! Он оттолкнулся пятками от твердого вы-

ступа, стащил Мартыненко в яму, придавил носом к земле. Свистели пули. Неподалеку возились товарищи, готовясь к бою.

Идея бежать к своим через поле, даже ползти, накрылась медным тазом. На открытом пространстве укропы наспигуют пулями за милую душу. Спецназовцы выдалбливали амбразуры в косогоре.

Тут Сереге Якушенко моча ударила в голову. Он привстал на колени, игнорируя свинцовый град, и принялся остервенело хлестать из автомата. Есть такая порода людей. Они в упор не верят, что могут погибнуть! Другие – да, запросто, а эти вот ни за что! Какой смысл тогда в существовании этого мира, если меня в нем не будет?

Илья что-то матерно проорал. Беженцев встрепенулся, схватил товарища за ногу и сдернул в борозду.

– Жить надоело, кретин?! – заорал он. – Рассмотрим альтернативу?!

Серега отчаянно ржал. Мол, нас сильно разочаровывает все то, что не убивает! Такое с ним временами случалось. Не боец, а сплошное чрезвычайное происшествие. Но дурь выветривалась под проливным огнем.

Бойцы лежали за укрытиями, отбивались короткими очередями. Пленник съежился, мелко вибрировал, старался, как страус, зарыть голову в землю.

Украинские силовики, похоже, получили приказ. Пехота рассыпалась по полю, двинулась вперед короткими перебеж-

ками. Выезжали на дорогу бэтээры. Пулеметы продолжали греметь, но стрелки перешли на экономный режим. Боевые машины набирали скорость.

Илья заскрежетал зубами. От пехотинцев еще можно отбиться, не такие уж там рейнджеры, а вот от их стальных копыт! Почему так тихо в восточном лесу? Где все? Ведь предупредили своих, что группа на подходе!

Он схватился за рацию.

– Алый, прием, это Верба! Алый, ответьте Вербе!

– Слушаю, Верба, – донесся сквозь треск эфира хриплый голос комбата Карабы.

– Товарищ майор, что за фигня?! – взорвался Илья. – Мы в поле, укропы дают! С нами полковник украинской разведки. Товарищ майор, через минуту они нас положат.

– Идиоты! – взревел словно турбина комбат, которого за глаза называли Карабасом, причем не только за созвучную фамилию. – Они что, на другой блокпост передали информацию?! Расстреляю! Пару минут продержишься, Ткач? – спохватился комбат и, не дожидаясь ответа, разъединился.

А бэтээры уже катили по проселочной дороге. Пулеметчики истратили весь боезапас, машины шли в молчании, поднимая клубы пыли. Дефицит боеприпасов компенсировала пехота, рассыпанная по полю. Солдаты перебежали как на учениях, били короткими очередями и снова вставали.

Спецназ стрелял на поражение. Вот встали двое, чтобы перебежать, – ни ума, ни фантазии! Разведчики ударили в

три ствола, повалили обоих. Ранения были смертельные, каратели не шевелились. Машинально поднялся еще один и тоже упал. С покойника слетела каска, покатилась, подпрыгивая.

Каратели загомонили, открыли беспорядочный огонь. Вперед уже не шли, лежали.

А вот бронетранспортеры перли по дороге. Вот они уже практически поравнялись с залегшими спецназовцами, начали разворачиваться, чтобы въехать на поле и раздавить их.

Тут-то и проснулись дорогие однополчане. Из восточного леса затарахтела скорострельная автоматическая пушка, установленная на БМП-2. Дорога перед бронетранспортером покрылась разрывами. Механик-водитель резко дал по тормозам, и БТР, идущий следом, едва избежал столкновения.

Пушка продолжала молотить, к ней присоединилась вторая. Но эта была не по технике, а по залегшим карателям. Первые взрывы прогремели с недолетом, потом стали ложиться точнее, в самой гуще солдат.

Начался массовый отлив. Силовики побежали прочь. Многие падали, кто-то оставался лежать, другие ползли. Накрыло всю компанию. До леса добежало не больше полдюжины, деморализованные, почти все без оружия.

У экипажей БТРов, застрявших посреди поля, тоже дела не клеились. Водители разворачивали свои машины, но делали это неуклюже, не профессионально. Первый транспортер подставил бок, и в броню тут же вlepился снаряд. Второй

машине удалось развернуться. Первая ее отчасти прикрывала.

Механик-водитель ударил по газам, что было полным свинством по отношению к товарищам из подбитой машины. Экипаж в дымящихся комбинезонах спрыгивал с брони, надеясь пересечь в уцелевший БТР, но тот уже улепетывал к лесу. Горемыки с руганью припустили за ней.

Снаряды продолжали рваться, швыряли комья глины и полевые цветы. Они ложились кучно. Чадил БТР посреди дороги. Остатки разбитого вражеского войска растворились в западном лесу. Наблюдать это было приятно.

Якушенко подскочил, начал изображать какой-то первобытный танец и возмущенно завопил, когда под ногами у него вдруг стали вздыматься фонтанчики пыли.

Боец покатился обратно в канаву и заорал:

– Командир, мы же свои! Чего они по нам бьют?

– Дружеский огонь! – Беженцев засмеялся. – Бог на небе разберется, кого куда.

Все закончилось благополучно. Блокпост ополченцев продолжал поливать очередями западную опушку, отгонять тех укропов, которые еще не прочь были порезвиться. Под прикрытием огня спецназовцы бежали по полю, по очереди волокли полковника Мартыненко, у которого от горя и усталости заплетались ноги.

– Поднажмите, полковник, немного осталось, – добродушно пробурчал Илья. – Вас ожидает еда, сухая постель

и море увлекательных бесед на те самые темы, в которых вы дока. Вы же умный человек, знаете, как надо себя вести, чтобы о вас сложилось положительное мнение. Не расстраивайтесь вы так. Невелика потеря. Украина и без вас достроит самое свободное и демократическое в мире государство. Может, увидимся еще когда-нибудь. Кстати, как вас по имени-отчеству?

– Да пошел ты, юморист хренов!.. – прохрипел Мартыненко и после паузы с тяжелым вздохом признался: – Федор Николаевич.

Все огневые точки в западном лесу были подавлены. В спину укропы не стреляли. Приближались угловатые очертания бетонных заграждений, столбы с колючей проволокой и минами, зарытыми вокруг них. Загорелись фонари. На встречу спецназовцам спешили люди, многие из которых были им хорошо знакомы.

– Мужики, простите, что по вам шмаляли, не разглядели! – начал извиняться кто-то. – Вы бы еще лезгинку плясать начали!

– Мы чисто по приколу, взбодрить, – заявил другой.

– Улыбку убери, Митяй, клыки видно, – добродушно проворчал Илья, и вся компания разразилась смехом.

Не веселился лишь один из присутствующих. Он стоял потупив взор. Измываться над ним не стали. Полковник как-никак, самый настоящий.

Лишь один из бойцов сочувственно похлопал пленного по

плечу.

– Ничего, господин полковник, не переживайте, все образуется, – сказал он и захохотал, демонстрируя шеренги зубов, еще не искалеченных войной. – А что, мужики, смотрите, какую ценную промысловую рыбу принесли наши сети. А могли ведь и мертвую.

На блокпост влетел штабной микроавтобус. Вместо комбата Карабы прибыл его заместитель капитан Цурило. Он выпрыгнул из машины и быстрым шагом направился к разведчикам.

Илья козырнул и лаконично отчитался о результатах работы. Дескать, оплошка вышла. Объект, за которым велась охота, спрыгнул с лестницы и свернул шею. Спецназ в этом абсолютно не виноват. Взамен имеется вполне приличный полковник УР ГШ Украины, которому, как и первому фигуранту, есть что рассказать.

– Полковник, говоришь... – Цурило озадаченно почесал кончик носа. – Ну, не знаю.

– Пощадите, товарищ капитан, – картинно взмолился Илья. – Ради бога, не посылайте нас обратно. В той Верхонке старше лейтенанта никого не осталось. Нормальный полковник. Что вас не устраивает? Отзывается на имя-отчество Федор Николаевич, в быту неприхотлив.

Присутствующие сдержанно захихикали.

Капитан Цурило тоже не сдержал улыбку, осмотрел языка с таким видом, словно покупал коня у цыган, махнул рукой

и заявил:

– Ладно, пусть будет полковник, в управлении разберутся. Пакуйте его в микроавтобус, мужики. Спасибо, старлей. Вы тоже садитесь, подбросим.

Глава 2

Илье удалось поспать не больше трех часов. Сначала была долгая ночная дорога в Краснодол по ухабам и буграм. Только в городе проезжая часть немного сгладилась, пропала необходимость биться макушкой о потолок салона.

– Едем себе спокойно по ямам. Как вдруг дорога! – дурачился Якушенко.

Потом разведчики сдавали куда следует трофейного полковника Мартыненко. Он окончательно затосковал, никак не мог поверить, что безвозвратно переехал в другую реальность. Вслед за этим Ткач отчитывался перед начштаба о проделанной работе, добирался до койки в общежитии. Лишь в четыре утра он завалился на кровать прямо в обуви, завидуя подчиненным, которые давно храпели.

Илья тоже переехал в другую реальность. Там не было войны, цвели яблони. Вокруг Ильи простирался Эдемский сад.

Он гулял по дорожкам с какой-то женщиной, совершенно незнакомой! Молодая, невысокая, худенькая. Волнистые волосы обрамляли симпатичное личико. Она смотрела на него с нескрываемым обожанием и что-то говорила, а он не мог избавиться от мысли, что находится в раю.

Логическая цепочка выстраивалась, невзирая на сон. Если в раю, значит... что? Он умер?

В семь часов над душой офицера спецназа уже стоял посыльный из штаба и будил его далеко не легкими поглаживаниями.

«Это жизнь, сынок, – вкралась в голову Ильи удручающая мысль. – Всегда найдется подлая тварь, которая тебя разбудит».

Он поднимался точно так же, как змея от индийской дудки: долго, зловеще, с ненавистью посматривая на посыльного. Странно, но женское лицо продолжало стоять перед глазами. Словно снимок отпечатался на сетчатке. Оно определенно было незнакомое.

– К комбату, – лаконично задал вектор посыльный. – Уже вообще-то.

– Неужели, – пробормотал Илья.

До избушки Карабаса было два квартала езды на командирском «Ниссане» через затрапезный старый сектор. Он был наполнен приметами весенних бомбежек, которые некому и нечем было устранять.

Комбат в сумрачном расположении духа вышагивал по комнате. За его перемещениями внимательно следил из-за печки облезлый черный кот с запущенным бельмом на глазу.

«Домовой, – подумал Илья. – Сгусток темной энергии под стать жильцу».

Он козырнул, доложил, мол, так и так, по вашему приказанию такой-сякой прибыл, хотя мог бы спать. Комбат перестал мерить комнату шагами, хмуро уставился на командира

своего лучшего подразделения.

– Витаешь, старлей? – осведомился он.

– Сон не досмотрел, товарищ майор.

– В руку? Или в другой орган? Ладно, не обижайся. Ты молодец, хорошо поработал с парнями прошлой ночью.

– Хотите еще куда-то послать, товарищ майор?

– Нет. – Караба снова помрачнел. – Информация для тебя, старлей. Сегодня ночью укропы подвергли массированному обстрелу село Рудное. Били из минометов и «Акаций», возможно, из Паленого. Какого хрена они это делали, непонятно. Там нет наших складов, позиций, тренировочных лагерей, оборонительных объектов – вообще ничего. Козлы! – Майор от злости стиснул кулаки и зубы. – Вступили, падлы, в клуб развитых демократий, бомбят теперь кого хотят.

Илья напрягся, дыхание перехватило. Село Рудное, расположенное в шестнадцати километрах от Краснодола, – его родина. Там он вырос, закончил школу, встретил свою первую любовь, с которой благополучно расстался. Симпатичный населенный пункт в живописной местности, заповедник нетронутой мирной жизни посреди всеобщего хаоса. Там реально не было военных объектов. Село располагалось в стороне от боевых действий. В нем живут его родители, родная сестра.

Майор Караба видел такую реакцию и поспешил успокоить подчиненного:

– Подожди, старлей, не паникуй раньше времени. Не знаю,

кого там накрыло, а кого нет. Надеюсь, с твоими все в порядке. Обстрел продолжался минут десять, потом все стихло. Пожарка и спасатели успели вовремя. Я, правда, не знаю, что там произошло конкретно. Жертв порядка трех десятков, есть раненые и погорельцы. Наши туда не выезжали. Как только все закончилось, в село нагрянули ребята из Мазино. Помогали расчищать завалы, вытаскивать тела. Работали оперативники из милиции. Возможно, они и сейчас там.

– Товарищ майор, отпустите, ради бога! – взмолился Ткач. – Метнусь на машине туда-обратно. Вы должны понять, у вас же тоже есть родные.

– Нет у меня никого, старлей. – Караба вздохнул. – Родители умерли давно, жена бросила к чертовой матери, сын в Австралии побирается. Ладно, я затем тебя и вызвал. Дуй в Рудное, заодно посмотришь, что там к чему. Не спеши, вечером вернешься. У тебя законный выходной, заслужил.

Ткач толком даже честь не отдал, выскочил вон, поднял своих, поставил в известность, где искать в случае чего, и вывел из гаража один из двух «УАЗов», приписанных к разведвзводу. Было три, но один ночью потеряли.

Он мчался, закусив губу, объезжал колдобины, а многие не замечал, взлетал на них как на бракованном батуте. Дома Краснодола прятались за заборами и развесистыми деревьями. День еще не начался. Людей на улице почти не было. Машины тоже попадались редко, в основном патрульные и милицейские.

На перекрестках дежурили ополченцы, проверяли документы у немногочисленных прохожих. Илья машинально отмечал, что это уже не та разношерстная карнавальная братия, которая служила тут год назад. Настоящие подготовленные бойцы, способные выполнять любые задачи. Они однообразно обмундированы, нормально вооружены, эдакие рейнджеры из городов шахтеров и металлургов.

Его машину дважды останавливали. Он изнывал от нетерпения, дожидаясь, пока признают и пропустят.

На выезде из городка располагался блокпост, бетонная крепость в миниатюре. Сюда сходились все дороги, ведущие с запада. Колочая проволока, мины, электрическая сигнализация, двойные створы, как на шлюзе. Пропуск не требовался. Его знали в лицо.

За развилкой Ткач свернул направо и покатил по полю. Дорога петляла как-то нелогично, будто ее когда-то протаптывали не совсем по трезвому делу.

Местность Илья знал как свои пять пальцев. В детстве и юности они всей семьей по выходным ездили в Краснодар за покупками. Оттуда Ткач уходил в армию, потом недолго, прежде чем податься в Харьков, в военное училище, снимал там квартиру. По дороге, выющейся меж звонких березняков, он мог бы ехать с закрытыми глазами.

Встречных и попутных машин в это утро не было. Исхода населения из Рудного после обстрела не наблюдалось. Наверное, все разъехались еще ночью. Возможно, не так стра-

шен черт, как обрисовал его Карабас.

Сколько раз говорено отцу с матерью: собирайте манатки и валите с исторической родины! Непокойно здесь. Закончится война – вернетесь. Илья имел массу полезных знакомств, мог бы переправить их в Россию или поселить у троюродного брата в Чащино. Это глубокий тыл на востоке, куда война ни разу не заходила.

Владимир Иванович каждый раз отмахивался. Мол, бросай, сынок, этот свой партийно-комсомольский командный стиль, он все равно не работает. Никуда не уедем, пусть даже завтра бомбы начнут рваться на улице. Вросли в этот дом всеми корнями – намертво, всю жизнь здесь прожили и тебя, оболтуса, вырастили.

Еще Елизавета – младшая сестра, куда ее? Живет вместе с родителями на своей половине дома, работает медсестрой в тамошнем фельдшерском пункте. Когда-то была замужем, но недолго. Не понравилось. С треском развелась, вернулась к отцу-матери. Теперь из Рудного практически не выезжает. По слухам, нашла там себе кого-то, теперь ему мозги окучивает.

И что? Вот и рвутся бомбы на улицах Рудного! Не предупреждали? Илья злобно плюнул в открытое окно и прибавил скорость. Реальный факт из жизни! Село Рудное ни разу до сегодняшнего дня не подвергалось обстрелам и нашествиям каких-либо войск. Заповедник! Но ведь все когда-то случается впервые.

До села оставалось восемь верст. Ткач опять пересекал поле, когда из небольшого осинового леска по машине ударили автоматные очереди. Пули вздыбили проезжую часть метрах в десяти перед капотом. От неожиданности он ударил по тормозам и чуть не протаранил головой стекло. Пристегиваться не учили? В голове было сумбурно. Илья не сразу переключился на суровую реальность. Его сильно потрянуло.

«Ливер слипся», – пошутил бы Беженцев.

Ударила вторая очередь. Пули застучали по корпусу машины, хорошо хоть, что в открытое окно не влетали.

Ткач пришел в себя, убрал ногу с тормоза, чтобы не доводить дело до полной остановки. В этом случае его точно расстреляют. Хотя соблазн был велик – выметнуться вон, залечь за обочиной и перестрелять эту публику к чертовой матери! Ведь ясно, на кого охотятся стрелки. На дверцах машины красуется символика ДНР. Мозги Ильи включились, автомат так и остался лежать на соседнем сиденье. Из леса ударила третья очередь, слава богу, «в молоко»!

Хрустнула коробка передач. Ткач выжал третью скорость и принялся маневрировать на проезжей части.

Стреляли точно из осинника слева, больше неоткуда. Били исключительно в левый борт. Лежали бы в траве неподалеку, палили бы точнее. До опушки порядка ста метров, разброс пуль велик. Позиция, безусловно, выгодная. Осинник труднопроходим, а с другой стороны луг, разрисованный оврагами. Многие из них выходят прямо к лесу. Нырять в лю-

бой – и поминай как звали, никакая собака не найдет.

«УАЗ» еще не вышел из зоны обстрела, его носило по проезде части. Колеса зависали над канавами. Гремели автоматные очереди. Стреляли из двух стволов.

Ткач пригнулся к рулю, перестал реагировать на раздражающие факторы. В лесу засели явно не мастера, он имел все шансы уйти. Пыль катилась столбом. Илья спешил за поворот. Не дай бог попадут в бензобак или колесо! Теперь уже стреляли фактически вдогонку. Разбилось узкое оконце в брезенте за спиной, завыл металл кузова, терзаемый свинцом. Мать их за ногу!

Ткач ушел за поворот и едва справился с управлением на крутом вираже. Дальше стало легче. Для стрелков его машина превратилась в еле осязаемую точку, окутанную пылевым облаком.

Он свернул за осинник, сбросил скорость и несколько минут ехал в ровном темпе, прислушиваясь к работе двигателя. Вроде все в норме, мотор и прочее важное хозяйство не пострадало. До Рудного оставалось шесть верст.

Илья остановил машину посреди поля, прихватил автомат и отправился определять ущерб. Почему говорят «злости не хватает»? Фраза в корне неверна. Ее-то как раз с избытком. Заднее стекло разбито, левые дверцы украшены вмятинами от пуль. Он насчитал восемь штук, как будто это было необходимо для страховой компании. Задний бампер покорежен.

Несчастливая какая-то полоса. Сегодня машина изувече-

на. Вчера и вовсе отдали врагу точно такую же.

Ему пришлось нагонять потерянное время. Он мчался, игнорируя ухабы, и через пятнадцать минут уже въезжал в родное село. Во что оно превратилось! Ведь был когда-то райский уголок. Сердце Ильи бешено стучало.

Въезд в село был изрыт воронками. Но здесь уже поработал трактор, сгреб пласты грунта, утрамбовал, и проезд, в принципе, был. За разбомбленной частью дороги в водосток валялись два покореженных автомобильных скелета. Их спихнул туда трактор, чтобы не мешали движению. Кое-где Ткач видел засохшую кровь. Пожары отпылали, но запах не развеялся, несло гарью. По селу сновали машины: «Скорая помощь», военные, спасатели. Видимо, все из Мазино.

У околицы Илью остановили хмурые ополченцы, проверили документы, спросили про цель визита.

– Какой, говоришь, адрес? – осведомился один из них. – Конармейская, дом четырнадцать? Расслабься, дружище. – Он ободряюще улыбнулся. – Если речь идет о хате за синим забором, то с ней все в порядке. Жильцы живы, участок не пострадал. А вот соседям не повезло. Там все всмятку, спасатели до сих пор работают, завалы разбирают.

Илья откинулся на спинку сиденья, не в силах унять дрожь. Слава богу. Не во всех еще людях разочаровался Господь. Но Ткач все равно должен был спешить. Мало ли тут домов за синим забором!

Село предстало перед его глазами в самом удручающем

свете. Украинская артиллерия потрудились основательно. Деревья вырваны с корнями, столбы электропередачи повалены. Трансформаторная будка разлетелась на куски. Кругом валялись фрагменты заборов. Мертвые животные плавали в лужах крови. К запаху дыма примешивалось что-то сладковатое, вызывающее рвотный спазм.

Ткач увидел несколько разрушенных строений. На руинах и пепелищах возились люди, вытаскивали из обломков все, что уцелело. На центральной улице полностью снесло фронтальную стену добротного коттеджа. Внутри перемешались обломки приличной мебели, гипсокартона, кирпичной кладки. Во дворе лежали два трупа, укрытые простынями. Молодой парень с перекошенным лицом пытался на тележке вывезти уцелевшее добро в летнюю кухню, стоявшую на краю огорода.

По улице, пошатываясь, бродила обезумевшая женщина, засыпанная цементной крошкой. Она что-то бормотала, всплескивала руками. К ней никто не подходил, не пытался увести. Бедняжка вдруг резко сменила направление и бросилась под колеса «УАЗа». Илья перепугался, надавил на тормоз. Женщина распласталась на капоте, что-то бубнила, смеялась, царапала ногтями краску. Ткач чувствовал себя последним подонком. Он осторожно сдал назад, объехал ее на крутом вираже.

Наконец-то Илья попал на свою Конармейскую. Сердце его сжалось. Домик на другой стороне дороги напоминал

карточный. Снаряд пробил крышу, а стены по какому-то стечению обстоятельств не рассыпались, а сложились в шалаш.

В этом доме проживала Маринка Ильичева, его первая школьная любовь, с которой он обошелся не очень красиво, круто изменил жизнь и себе, и ей. Мама Ильи как-то горько пошутила. У человека, дескать, есть две любимые игрушки: собственная судьба и чужие чувства. За Маринку он не волновался. Есть такая страна на белом свете, называется Колумбия. Там она и осела, вышла замуж. А вот что же произошло с ее матерью?..

Ткач проехал еще полквартала, бросил машину и побежал к синему забору, который уже ветшал и терял краску. Калитка была открыта, дом цел. Илья с колотящимся сердцем промчался по саду, взлетел на крыльцо. Дверь оказалась незапертой. Он метался по пустым комнатам, кричал. Потом его внимание привлек шум в открытом окне.

Ткач вспомнил, что у соседей беда. Видимо, все там.

Так и оказалось. На соседнем участке работали люди. Копошились местные жители, спасатели, несколько ополченцев, в одном из которых Илья узнал парня из параллельного класса. Дом семьи Скобарей был разрушен до основания. Люди растаскивали завалы всю ночь и утро, а конец работе еще не предвиделся.

Ему на шею с плачем бросилась сестра Елизавета, исхудавшая, почерневшая, с темными кругами под глазами. Она и в прежние-то времена не отличалась богатырским сложе-

нием, а сейчас и вовсе превратилась в призрака. Лиза рыдала, обнимала брата, что-то бормотала, шмыгая носом.

Мол, хорошо, что ты приехал. С нами все нормально, обошлось, только сарай на краю участка немного зацепило. А у соседей беда. Вся семья Скобарей уже спала, когда грохнул снаряд. Они всегда ложатся рано.

Милиция после обстрела насчитала двадцать шесть погибших – а ведь не всех еще нашли! – и больше двух десятков раненых. Покойников всю ночь отвозили в морг в Мазино, раненых туда же – в больницу. Лиза и рада бы помочь, использовать свои профессиональные навыки, но в Мазино и без нее справятся, а она должна быть рядом с родителями.

Люди потрясены. Только в этой части улицы погибли четверо. Среди них Ильичева Раиса Ильинична, мама Маринки.

– Не смотри на меня так, Илюша. Знаю, что плохо выгляжу, – пробормотала сестра.

Подошел, прихрамывая, отец, измазанный в саже, тоже похудевший, осунувшийся, голова блее январского снега. За ним спешила мама Анна Васильевна, вытирая испачканные руки о старый плащ. В глазах женщины блестели слезы. Она еще не растеряла следы былой красоты, и осанка у нее была такая же, как и тридцать лет назад. Отец часто повторял, любовно глядя на свою жену, мол, молодость прекрасна в любом возрасте.

Родители обнимали сына, не сдерживая слез, ощупывали его. Словно это не они, а он побывал под обстрелом.

– Вот такие дела, сынок, – констатировал Владимир Иванович. – Жили не тужили, ни о чем таком не гадали. Мы еще ладно, все целы, а вот Скобари...

– А я предупреждал, – начал заводиться Илья. – Пытался вам внушить, что этим фашистам все равно, кого бомбить. Почему, скажите на милость, вы мне не верили?

– Но за что, Илюшенька? – воскликнула мать. – Что мы им сделали? Мы просто живем на своей земле, здесь нет и никогда не было никаких войск. Зачем это?

– А что вы хотели, гражданочка? – проворчал взмыленный спасатель, тащивший складную лестницу. – Украина в Европу движется семимильными шагами, вот и старается выслужиться перед хозяевами. Думаете, киевские власти волнуют жизни мирных жителей, когда такие глобальные вопросы на кону?

– Не говори, Петрович, – отозвался его молодой напарник. – Окраиной России они быть не хотят, а вот Европы – пожалуйста. Суки они! Как так можно, ни с того ни с сего – да по людям?!

– А что со Скобарями? – спросил Илья.

– Никто не знает. – Владимир Иванович развел руками. – Антон, Марьяна и обе девочки – Зоя и Кариша – с вечера находились дома. Он у них не маленький, а спальни у всех на первом этаже.

Илья прекрасно помнил эту семью. Антону Сергеевичу было под пятьдесят. Работал журналистом, потом переко-

вался в плотники, как бы странно это ни звучало. Колесил по району с бригадой таких же кустарей-умельцев, неплохо зарабатывал. Девять лет назад женился на молодой женщине, жили душа в душу, никогда не собачились, отношения не выясняли. Родили двух девочек с разницей в четыре года. Карине сейчас, должно быть, восемь, Зое – четыре.

Отец сказал, что в развалинах дома был страшный пожар. Ночью потушить не смогли, пришлось ждать, пока пламя само уляжется. Вряд ли там остался кто-то живой, но хотя бы тела достать, похоронить.

– Мама, Елизавета, топайте в дом, – распорядился Илья. – От вас тут польза нулевая. Вы устали, отдохните. Пусть мужчины работают. Я им помогу.

– Боимся мы, сынок. – Мама обняла себя за плечи. – Вдруг эти ироды опять начнут стрелять? Страшно дома находиться.

– Не начнут, – успокоил ее сын. – Это была разовая акция. Повторять ее – значит выдать свое расположение и убедить окружающих в том, что стреляли украинцы. Они на это не пойдут, потому что трусы. Уже сегодня начнут кричать, что террористы били по селу со своей территории, потому что их там не любят. Давайте, родные, уходите отсюда. Покушать что-нибудь приготовьте. Война войной, а я уже сутки зубами клацаю.

Илья присоединился к спасателям. Разбирать груды обломков было каторжным занятием. Мужчины, кряхтя, от-

таскивали фрагменты кирпичных стен с задубевшим раствором, обломки кровли, потолочных перекрытий. Завалы разбирались медленно, слой за слоем. В стороне плакали женщины, боясь приближаться. Видимо, близкие родственницы этой семьи.

Кто-то обнаружил под куском застывшего цемента раздавленную человеческую руку и закричал. Люди заработали энергичнее, оттаскивали части стенной перегородки, обломки кровати. Вскоре они начали извлекать тела, вернее, куски таковых.

Кого-то вырвало. Истошно заголосили бабы на задворках. Спасатели тащили мешки, чтобы не демонстрировать публичке жуткие находки.

Илья стоически относился к подобным зрелищам, но и его чуть не стошнило. Несчастные даже не поняли, что произошло. Снаряд – или мощная мина? – пробил крышу, потолочное перекрытие первого этажа и в клочья разнес обе спальни вместе с людьми. Их завалило уже мертвых.

Ткач с ужасом смотрел на женское тело в оборванной сорочке. Мятую, деформированную голову извлекли отдельно. Антону Сергеевичу оторвало ноги и руку вместе с плечевой сумкой.

Глаза у покойников были закрыты. Они даже не успели проснуться. Может, так и лучше умереть – во сне, ни о чем не подозревая?

Третью страшную находку мужики извлекли из соседней

комнаты. Это была Карина, старшая дочь. Спасатель рычал, чтобы закрыли ее, не показывали людям. Это же не цирк, право слово! Но кто-то замешкался. Худенькое тельце передавали по рукам, люди отворачивались, старались не смотреть. Слезы наворачивались на глаза.

Илья прекрасно помнил эту девочку. Тогда еще она была единственной в семье. Бегала по лужайке перед домом, хваталась новым розовым бантом и игрушечным телефоном, который пищал при нажатии кнопок. Карина при этом разражалась звонким смехом.

Рыдали пожилые женщины, пытались отобрать у спасателей безжизненное тельце. Видимо, теща и свекровь. Они были не в себе. Рядом возникли равнодушные санитары в белых халатах и защитных штанах, силой повели их подальше от кошмара.

Вдруг в развалинах раздался тихий детский плач. Все застыли, чуть ли не с ужасом уставились друг на друга. Это было что-то запредельное, невозможное. Люди выходили из ступора, переглядывались: не почудилось ли? Снова заплакал ребенок, и все пришло в движение.

Старший из спасателей кричал, чтобы не лезли как бараны. Не дай бог упадет что-нибудь, висящее на честном слове, и повлечет цепную реакцию. Осторожно!

Люди почти не дышали, на корточках расчищали подход к вертикально сомкнувшимся плитам. Они освобождали завал, снимали с накренившейся балки перекрытия фрагмен-

ты кровли с шифером, обгоревшие куски стропил.

Самый худой спасатель полез в образовавшуюся нору и извлек оттуда четырехлетнюю девочку, абсолютно целую, но испачканную с ног до головы. Малышка ревела.

Елизавета подскочила, схватила ее на руки и отбежала подальше от развалин. Она посадила девочку на бочку, стала лихорадочно ощупывать, осматривать, попутно глядя по головке и говоря ласковые слова. Крошка размазывала слезы кулачками, звала маму.

Люди обступили их. Это действительно было невероятно.

У каждой девочки имелась своя спальня. Комната Зои находилась с краю. Осколки сюда не долетели. Часть стены устояла, а сверху ее накрыла рухнувшая плита перекрытия. Девочка потеряла сознание и всю ночь пролежала без чувств на своей искореженной кровати. Дым от пожара поднимался вверх. Плиты защитили малышку от запаха гари. Она не пострадала и, видимо, только недавно пришла в себя.

Елизавета закутывала ребенка в какие-то тряпки, ругалась с командиром спасателей, ни в какую не хотела отдавать Зою обезумевшим родственницам. Может, потом, когда-нибудь, но не сейчас. Она способна успокоить ребенка, одеть, накормить и обеспечить ему приличное существование. Ведь девочка росла у нее на глазах, они знают друг друга. И вообще Елизавета по профессии медик!

Командир в итоге махнул рукой. Мол, делай что хочешь. Пристраивать сирот в мою компетенцию не входит. Девочку

унесли в дом, а части тел ее родных стали загружать в подъехавший фургон для отправки в морг, расположенный в Мазино.

Это был тяжелый день. Глава местной администрации, черный от усталости, бродил по поселку в сопровождении представителей армии ДНР, разговаривал с местными жителями. Они единодушно утверждали, что снаряды и мины летели с запада, откуда же еще?

Но зачем? У любого обстрела, даже самого жестокого и циничного, должен быть смысл. Ради чего уничтожать мирных жителей? Чтобы еще больше разозлить выживших?

Самые догадливые вздыхали. Дескать, политика, мать ее! Провокация с целью запустить очередной виток лживой пропаганды. Ополченцы обстреляли свою территорию! Украинцам только повод нужен, чтобы двинуть вперед огромную, вооруженную до зубов махину, зависшую на западных рубежах мятежных республик. Сколько можно ей впустую жрать хлеб и переводить казенный бензин?

Составлялись списки погибших и раненых, описывался ущерб с точностью плюс-минус километр, раздавались пустопорожние обещания похоронить за казенный счет, возместить убытки.

Старший лейтенант Ткач в мрачнейшем расположении духа бродил по селу, здоровался со знакомыми, выслушивал их печальные истории. Люди спрашивали у него совета. Что делать, как дальше жить? Когда все это кончится? Он сокру-

шенно вздыхал, отговаривался. Дескать, я советы не даю, потому что самому нужны.

Вторую половину дня Илья провел дома. Елизавета уложила девочку, немного посидела с ней и вышла в зал, где в подавленном расположении духа сидела семья.

Илья опять затянул надоевшую песню о переезде в какой-нибудь спокойный уголок земного шара.

Родители отнекивались. Во-первых, им на старости лет не нужна лишняя головная боль, а любой переезд чреват ею. Да и сыну ни к чему навешивать на себя дополнительную заботу. Проживут, ничего им не сделается. Ведь сам говорил: больше бомбить не будут. Разовая акция.

– Не должны, – сказал Илья и пожал плечами. – Да вот только каратели в последнее время стали какими-то непредсказуемыми. Один черт знает, что им в головы взбредет... Ладно, – скрепя сердце согласился Илья. – Живите, но обязательно приспособьте подпол в качестве бомбоубежища и при первых же подозрительных звуках прячьтесь туда.

– Это можно, сынок, – согласился Владимир Иванович. – Подпол у нас глубокий, знатный. Завтра же начну приводить его в порядок. Пусть соленья подвинутся.

– Никуда мы не уедем отсюда, Илюша, – грустно глядя ему в глаза, сказала Елизавета. – Мы народ, а не население. Если все отсюда рванут, то кого вы будете защищать? Пустые жилища и подвалы с прошлогодними огурцами?

Брат посмотрел на нее с печальной иронией. Елизавету

иногда заносило в ненужный пафос. Семье Скобарей ведь тоже предлагали уехать в Россию. Отказались, и вот что из этого вышло. Могли бы жить сейчас. Карина не лежала бы в морге раздавленной тряпочной куклой, а радовалась бы жизни, готовилась бы к поступлению во второй класс.

Мама стала кормить сына обедом. Он что-то глотал, не чувствуя вкуса. Все сидели нахохленные, злые. По такому случаю Владимир Иванович достал из заначки увесистую емкость с самогоном, вопросительно глянул на присутствующих. Выпили все, включая Елизавету, озабоченную своей самопровозглашенной ролью опекуниши.

Даже Илья. Кому вредили сто граммов за рулем? Дорожная инспекция канула в Лету, нынче трезвым никто и не ездит.

К восьми часам вечера он засобирался.

– Хорошо с вами, родные мои, но пора на службу. Карабас ждет.

Илья обнялся со всеми, снова были слезы, долгое прощание. Отец улыбался, а у самого глаза были красные.

– Ладно, сынок, езжай с богом. Не думай про нас, все будет хорошо. До конца жизни доживем, а дальше и не надо.

Он выезжал из села мрачный, подавленный, весь исполненный тяжелыми предчувствиями. Что-то не так было с этой войной. Вроде бы с весны ее не было, но и мир не приходил. Люди жили так, словно этот день – последний. Никто не знал, чем он кончится и что будет дальше.

Где-то в Минске, Брюсселе, Москве политики оптимистично заявляли, что все позади, наступает долгожданная эра мирного урегулирования. Но продолжали гибнуть люди, не унимались обстрелы. На всем протяжении линии фронта то там, то здесь вспыхивали мелкие стычки и даже серьезные бои. Чья-то незримая рука дирижировала событиями на востоке Украины и не давала противоборствующим сторонам расслабиться.

Проезжая часть была уже почти расчищена. Автотранспорт на дороге присутствовал, но большинство машин, доезжая до развилки, сворачивало влево – на Мазино. В сторону Краснодола почти никто не ехал.

Проскочив полверсты от развилки, Илья обнаружил, что ни впереди, ни сзади никого нет. Он пребывал на дороге в гордом одиночестве. В принципе, ему было без разницы. Самогон выветрился, он у отца был хороший, без дури и сивухи.

Ткач настороженно поглядывал по сторонам. За окном «УАЗа» пробегали поля, перелески. Мелькнуло озеро, по которому скользили блики от заходящего солнца. Памятуя об утренних событиях, он внимательно смотрел на дорогу перед капотом. Если обстреляли, могут и управляемый фугас зарыть на обочине, и мину установить в качестве сюрприза.

Илья проехал семь километров и остановился в низине, заросшей крупным кустарником. В открытое окно проникал неприятный запах аммиачных испарений. Неподалеку было

болото.

Старший лейтенант закурил, задумался, машинально вскинул руку с часами. Он же никуда не торопится, да? У него законный выходной? Разведчик не боится идти на дело в одиночку? Нет, конечно. Трус не играет в хоккей и не прячется в шкафу при появлении мужа.

Илья быстро сориентировался. Справа, если выбраться из низины, будет поле, расчерченное оврагами. На нем трава по пояс, а кое-где и по грудь. За полем – осинник, из которого кто-то стрелял по «УАЗу». Дорога уходит направо, огибает осинник и уносится по сельской идиллии к Краснодолу.

Ткач включил первую передачу и съехал с обочины. Ветки кустарника сомкнулись за задним бампером, качественно «тюнингованным» пулями.

Он проверил: все при себе, нож в чехле, «ПМ» в кобуре. Автомат тоже не будет лишним.

Дорога была пустынна. Илья перебежал ее, вскарабкался на небольшой обрыв и залег на краю поля. В осиннике, расположенном в четырехстах метрах, признаков засады не наблюдалось.

Острый запах полевых трав раздражал ноздри. В мутнеющем небе носились друг за дружкой стрижи. Выше их барражировала по кругу хищная птица, высматривала добычу. Этаким природный беспилотник с зорким глазом.

Илье нестерпимо захотелось разуться, расслабиться хоть на пару минут, слиться с природой. Нет, не сегодня. Может,

и зря он это затеял.

«Партизаны», сидевшие утром в осиннике, не обязаны это делать весь день. Но он должен был проверить.

Ткач отмерил на корточках метров тридцать, спустился в лощину, сделал еще шагов семьдесят по пади, увертываясь от корней, плетущихся по глине.

Этой тропой часто пользовались люди, ходили туда и обратно. На ней отпечатались следы от кроссовок сорок первого и сорок второго размеров.

Лощина сворачивала параллельно осиннику. Ткач вылез из нее, снова погрузился в душистое разнотравье. Он полз по-пластунски, спустился в параллельный овраг, и тот вывел Илью к лесу. Теперь разведчик двигался на цыпочках, погусиному, тщательно предугадывая последствия неверного шага. В лесу еще перекликались птицы, прыгали с ветки на ветку.

Старший лейтенант шел как опытный следопыт. Он подолгу замирал за стволами деревьев, вслушивался, держался подальше от сушняка, заблаговременно обходил залежи бурелома. Лесополоса оказалась неглубокой, метров сто в поперечнике.

Ткач услышал отдаленные голоса и присел. Есть контакт! Не ушли!

Впереди за ветками светлела опушка. Видимо, там и обустроились стрелки.

Илья повесил автомат за спину, опустился на колени и на-

чал передвигаться с особой осторожностью. Голоса делались громче. Беседовали двое мужчин.

Ткач прополз под кустом лещины, затаился на краю ко-согора. Мужики лежали практически рядом, метрах в десяти, задницами к нему. Они оборудовали неплохую позицию. Сектор обстрела был не меньше ста восьмидесяти градусов. Путь отхода больше чем достаточно.

Дядьки сосали леденцы, пили воду из пластиковых бутылок. Им было неплохо в этом лесу посреди нетронутой природы. Они не чувствовали каких-то неудобств. Обуты в легкие кроссовки, закутаны в маскировочные халаты, полностью сливающиеся с окружающей средой. Если бы не голоса, то Илья и не заметил бы их.

Видимо, эти двое числились за каким-то диверсионным отрядом, которые в тылу ДНР плодились как грибы. Не снайперы. Работали демонстративно, без глушителей, имея цель посеять панику в тылу ополченцев, заставить их нервничать.

Здесь двое, где-нибудь еще пара. Тут обстреливают транспорт с символикой республики, там рвут мост, в третьем месте нападают на машину с продуктами, почтой или гуманитарным грузом.

Особой добычи в этот день у мужиков, похоже, не было. Отстреляйся они удачно, давно бы ушли.

Дядьки напряглись. По дороге со стороны Краснодола пылили старенькие «Жигули». Стрелки припали к прицелам.

Илья тоже напрягся, стиснул рукоятку ножа. Кобура рас-

стегнута, «ПМ» замкнут на предохранитель, но патрон уже в патроннике.

Диверсанты вдруг засомневались, передумали стрелять.

– Да ну его, – сказал тот, который лежал справа. – Гольотьба какая-то.

– И то верно, Михей, – согласился его напарник. – Пусть себе валит. Не будем отвлекаться на всякую шелуху.

– В Рудный поехал, не иначе, – высказал предположение Михей. – Слышал, Колян, как наши там вчера ватников на уши поставили? По рации передавали. Из двух батарей село утюжили. Нечисть донецкая разбежалась как тараканы. Навалили их вдоволь!..

– Не слышал, – сказал Колян. – Вроде неоткуда нашим тут палить, одни колорады в округе.

– Под Паленое подвезли артиллерию, – пояснил Михей. – Минометы, «Акацию», еще какую-то хрень. Вроде наступление наши готовят, со дня на день «Грады» доставят, потом штурмовые батальоны на позиции пойдут. Зуб даю, Колян, еще немного – и обрушимся на эту нежить, погоним до Москвы. Зря, что ли, такую армию на фронте собрали? Как ударим, так покатаются москали позорные.

– Быстрее бы уж, – сказал Колян. – Пора кончать здесь, а потом уж начнем с киевскими предателями разбираться. Там же каждый первый – паникер, соглашатель, трус. Подтянем батальоны, прикончим всю эту шваль в администрации и кабмине. Сколько можно их терпеть? Довели страну, суча-

ры, только и могут питаться, что в Европу идем.

Илья невольно усмехнулся. «На заявление украинских властей о том, что Украина движется в Европу, последняя как-то поежилась». Ничего, господа европейцы, скоро не ежиться будете, а орать в страхе.

– Слушай, а как «Карпаты» с «Волынью» вчера сыграли? – осведомился Михей.

– Позорно, – отмахнулся Колян. – Один – один. Столько ситуаций было, ни одну не реализовали. Голодюк осрамился, пропустил с центра поля. Ромка Мысак ворон ловил, даже не заметил, как схлопотал. Фаны «Волыни» ржали как подорванные. Да ладно, разок можно и опозориться. Нормальная команда.

Беседа приглушенно продолжалась. С политики и футбола диверсанты, как водится, переключились на баб. Обмыли косточки некоей Жанке из хозяйственного взвода, которая страшна как старуха Шапокляк, но никому еще не отказала. Впрочем, старше сержанта к ней никто и не лезет – стремно.

– Да ладно придирааться, – заявил Колян. – Пара стаканов горилки, и красота спасет мир.

– А горилка спасет любую красоту, – подхватил Михей, и оба сдавленно захихикали.

Похоже, они больше не собирались делиться со своим слушателем полезной информацией. Но и того, что они сказали, было достаточно. Укропы били по Рудному из окрестностей Паленого. Что и требовалось доказать! Одно дело – подозре-

ния, другое – когда враги в приватной беседе подтверждают этот факт.

Разведчик накинулся на них как ястреб, с низкого старта, сжимая нож нижним хватом. Те словно почувствовали неладное, откатились в разные стороны.

«Все-таки есть у хлопцев какая-то подготовка. Ничего, так даже интереснее. Мы же не ищем легких путей!» – подумал бы Илья, если бы имел время на это.

Он всей своей тяжестью навалился на Михея, одновременно ударил ногой Коляна и выключил его. На то, чтобы он продышался, уйдет пять-шесть секунд. Больше и не надо. Бить ножом с этого положения было неудобно. Илья начал наносить удары локтем в грудь. Михей издавал звуки, далекие от музыкальных, вздрагивал.

Приподнялся Колян с выпученными глазами, рука его машинально ухватила за автомат. Удар пяткой в грудь отбросил его метра на полтора, хрустнуло ребро.

Илья скатился с Михея, захлебывающегося рвотой. Тот мгновенно принял сидячее положение, что стало роковой ошибкой. Нож разведчика вспорол его брюшную полость.

Михей давился блевотиной, с ужасом посмотрел на Илью, потом на свой живот, из которого лилось и пузырилось что-то красное. Глаза его подернулись предсмертной мутой. Этот тип был уже не соперник. Нож остался в животе Михея.

Ткачу снова пришлось откатиться. Колян даже со сломанным ребром был опасным спарринг-партнером! Он тоже вы-

хватил нож и летел на Илью. Ярость брызгала из глаз. Укроп замахнулся, чтобы ударить в левую сторону груди.

Ткач отклонился, резко выбросил ногу и угодил в промежность. Колян с резким шумом выпустил воздух, словно хрюкнул, повалился на колени. Мощный прямой удар. Нижняя челюсть у дядьки как-то сдвинулась, лицо изменило очертания. Но рука упрямо тянулась к под сумку под маскировочным халатом.

Илья предпочел не проявлять любопытство, ударил по запястью ребром ладони, переломил лучевую кость попутно с локтевой. Попыток залезть в под сумок больше не было. Колян хрипел, дергался, выплевывал обидные матерные слова.

Терпеть такое Илья был не намерен. Он нагнулся над поверженным врагом и тремя ударами разворотил ему челюсть.

Впервые в этот день его вырвало. Давно пора! Несколько минут тело сотрясали спазмы. Ткач никак не мог продышаться. Потом лежал, раскинув руки, бессмысленно таращась на колышущиеся кроны деревьев.

Он мог бы так вот лежать часами, тупо проницая взглядом пространство и ничего не делая. Если и думать, то лишь о чувстве выполненного долга.

Но соседство с покойниками немного напрягало. Илья сам измазался в их крови. Он поднялся, обтерся как уж мог.

Старший лейтенант явно перестарался. Роль таксидермиста, в первую очередь выпускающего жертвам кровь, сего-

дня удалась. Незадачливые диверсанты уже отмучились, валялись в багровых лужах.

Ткач любопытствовал, что у Коляна в подсымке, брезгливо отогнул окровавленный край маскхалата и вытащил банальную «лимонку», то бишь гранату «Ф-1». Находка была правильная.

Илья извлек телефон, перевел его в режим фотокамеры и запечатлел улыбочку мертвеца. На память, так сказать.

Он опять пересилил брезгливость и перевернул покойника на живот. Потом Ткач извлек из запала гранаты предохранительную чеку с усиками, прижимая к корпусу спусковой рычаг. В таком вот положении Илья всунул «лимонку» под тело и заставил его навалиться на рычаг.

Смена этой пары когда-нибудь обязательно придет сюда. Стоит лишь тронуть мертвое тело, и грохнет мощный взрыв, от которого поблизости вряд ли останется что-то живое.

У второго мертвеца он забрал портативную рацию и тоже запечатлел его. Может, кто-то признает эти милые лица.

Илья подумал, что, кажется, все дела сделал. Несколько минут он прислушивался, не появился ли в лесу еще кто-то, потом припустил обратно знакомым маршрутом. Сидеть и ждать, пока сюда кто-то придет, ему хотелось меньше всего.

Да и какой смысл? Граната все сделает. Можно наведаться через пару деньков, любопытствовать.

Глава 3

– Да, красавцы, – согласился комбат Караба, ознакомившись с живописными снимками убитых диверсантов. – Умешь ты, старлей, из дерьма конфетку сделать. На хрена ты нам показываешь этих мучеников за свободу и демократию? Премию хочешь?

– Честно говоря, хочу, Богдан Мстиславович, – сказал Илья. – Нужно же подтвердить, что я не просто так убил свой выходной день. В районе действует диверсионный отряд. Эти двое входили в его состав. Не сказать, что совсем дилетанты, но и не бывалые люди. Покажите бойцам, может, кто-нибудь узнает. Обыскивать тела я не стал, не думаю, что они таскали с собой удостоверения личности. Под одним из тел граната, так что обращаться с ним нужно очень осторожно.

– А что, мне нравится, – заявил высокий и худой как лом капитан Стобан, командир роты, в которую входило подразделение Ткача. – Достойный пример того, как должны выглядеть представители героических профессий. Можно выкладывать в социальные сети, показывать в новостях. Пусть боятся и лишний раз подумают, стоит ли ехать воевать на Юго-Восток.

– Истину глаголешь, – сказал комбат. – Значит, из разговоров боевиков явствовало, что обстреливали Рудное из

Паленого? Мы так и думали, но это были только подозрения. Выходит, укрупны начинают подтягивать к Паленому дополнительные подразделения. Это, конечно, не армия, готовая перейти в наступление, но явление неприятное. Любое неучтенное подразделение хохлов у нас под носом – источник нервозности. А если это САУ и «Грады», то становится совсем тревожно. Они же отмороженные люди, могут палить куда попало. Инцидент в Рудном – наглядное подтверждение тому. Их пропаганда устроена так, что все мгновенно перевернется, черное становится белым. Весь мир сочувствует хорошим украинским парням, которые никогда не открывают огонь первыми, а только отвечают на наши провокации.

– Но это только разговоры, товарищ майор, – напомнил Стобан. – Мало ли о чем болтали диверсанты, которые неделями сидят в лесах, а информацию черпают из радиопередач, в искаженном и половинчатом виде? Нужно провести разведку окрестностей Паленого.

– Причем сделать это быстро, – добавил комбат.

Оба старших офицера с интересом уставились на спецназовца, который уже забыл, когда нормально спал.

– Ты же в форме, Ткач, – вкрадчиво сказал Карабас. – Морально, физически, все такое. Родные живы и здоровы. В твоих же интересах быстрее отвести беду от Рудного.

– Я понял, товарищ майор, – заявил Илья. – Собираю группу толковых ребят. К ночи переправляемся через линию раздела и собираем разведданные в окрестностях села Пале-

ного.

– Желательно без шума, – сказал комбат.

– Пойдем пешком, товарищ майор. До северной околицы Рудного ребята нас подбросят, а дальше двинем на своих двоих. Группа малочисленная: я, Беженцев и Якушенко. Оружие – только стрелковое, снаряжение облегченное: бинокли, приборы ночного видения.

– Думаешь, справишься втроем? – осведомился комбат.

– Обижаете, товарищ майор. – Илья улыбнулся. – Мы же не Киев штурмовать идем. Не будем создавать толкотню. С вечера тронемся, проведем разведку и к утру вернемся на базу. По крайней мере, в Рудное. Никаких проблем.

– Ну, если нет проблем, то иди, – проговорил комбат. – К двадцати часам доложишь о готовности группы.

Машина выехала из расположения после восьми вечера. Главную задачу на этот час – создать видимость, что ничего не происходит, – разведчики успешно выполнили. Соглядатаи были везде, и никто не гарантировал их отсутствие у ворот части.

«УАЗ» покати́л в сторону тренировочной базы, расположенной на восточной окраине города. Через пару кварталов он сменил направление, подался на запад через частный сектор.

На блокпосту все прошло без эксцессов. По звонку начштаба машину с означенными номерами пропустили без остановки. Усатый сержант Колядун вертел баранку. Бой-

цы были экипированы по облегченной схеме: легкая одежда, кроссовки, маскировочные накидки с капюшонами. У них имелись аптечки, минимальный запас продуктов и воды. Из оружия – только «АКС-74» с небольшим запасом снаряженных магазинов, ножи, пистолеты, по паре гранат у каждого. Ребята выпалились, хотя и зевали так заразительно, что Илья, глядя на это дело, тоже не мог удержаться.

За окном мелькали знакомые пейзажи. Ткач посмотрел на часы. В Рудное они прибывали еще засветло, оставался запас времени. Машина приближалась к тому самому участку дороги.

– Останови-ка, Савельич, – распорядился Илья. – Скатись с дороги, постой минут пятнадцать.

От природного любопытства не избавлен никто, даже спецназовец, озабоченный выполнением текущей задачи. Командир вкратце объяснил бойцам ситуацию. Те заулыбались, пришли в движение.

– Я так и знал, – заявил Якушенко. – Злодея всегда тянет вернуться на место преступления. Таков немудреный закон жизни.

– Давайте пройдемся, полюбуемся, – сказал Беженцев, первым выбираясь из машины. – Поищем другой маршрут, командир?

Обход осинника занял восемь минут. А уже через десять все трое подобралось к бывшему месту залегания диверсионной группы, от которого явственно потягивало сладким.

Испуганная ворона слетела с мертвеца и, хлопая крыльями, подалась в поле.

Потрясающе, покойники размножались почкованием! Их стало четверо. Рядом с прежними в живописных позах, раскинув конечности, валялись двое новопреставленных. Оба в таких же накидках, стилизованных под лохмотья, с автоматами Калашникова.

Ума, конечно, палата! Они перевернули тело, не озаботившись элементарными мерами предосторожности, и вот вам результат. Шутить с гранатой «Ф-1» не стоит, у нее мощная поражающая сила.

– Завтра еще приедем, – сказал Беженцев. – Посмотрим, не станет ли их восемь.

– Тогда еще граната нужна, – заметил Якушенко. – «РГД» не прокатит, от нее толку мало. Хорошо бы «лимонку».

– Две «РГД»? – подумав, предложил Якушенко. – А что, мужики, так всех диверсантов и изведем под корень.

– Ладно, размечтались, товарищи фантасты, – прервал полет воображения Ткач. – Хорошо, что хоть эти клюнули. Не все же такие тупые. Думаю, больше никто не придет. Оставляем как есть, у нас сегодня другая задача.

Серые сумерки стелились по земле, когда группа объехала Рудное с севера и приблизилась к лесу.

Илья отдавал последние распоряжения:

– В контакт с местными не вступать, не шуметь, не болтать, идти тесной группой. При подходе к линии разграни-

чения дам особые инструкции. С неприятностями будем бороться по мере их поступления. Обленились вы что-то, бойцы, зеваете, командира слушаете вполуха. А ну, за мной, бегом марш!

Первые полтора километра ополченцы семенили легкой рысью вдоль опушки. Хороший стимул, чтобы проснуться. Для нормального спецназовца это то же самое, что идти пешком.

Сумерки уплотнялись, становились матово-серыми. На небосклоне появилась луна, пока еще бледная, прозрачная, какая-то неуверенная.

Илья двигался в авангарде, сверяя детские воспоминания о родных местах с данными навигатора. Группа шла верным курсом. Отклонение от опушки, бросок через поле, озаренное голубоватым мерцанием, выход к проселочной дороге. Бойцы пробежали по ней пятьсот метров и нырнули в лес. Фонари не включали, оттого скорость на этом участке была, мягко говоря, незначительной.

Какое-то время они лежали в камышах недалеко от озера и наблюдали, как по дороге ползет БМП с горящими фарами. В семидесяти метрах за ней шла еще одна. Опознавательные знаки в темноте не просматривались. Ни криков, ни переговоров по рации, только надсадный гул моторов мощностью триста лошадей каждый.

Возможно, техника принадлежала ополченцам, патрулирующим границу. Но бежать к ним с распростертыми объ-

тиями явно не стоило. Люди терпеливо ждали, пока БМП скроются в сгустившемся мраке.

Затем была низина с ордами гнуса и чавкающей землей. Шли медленно, в колонну по одному, прощупывая землю жердинами. Болото казалось людям бесконечным. Репеллент худо-бедно отгонял кровопийц, но действие его слабело, перед лицом зависла стена гнуса. Со спецназовцев семь потов сошло, но местность наконец-то пошла на подъем, а потом лес и вовсе оборвался.

Разведчики вышли к маленькому населенному пункту, окруженному березовой рощей. Судя по карте, это было Быково, крохотный поселок на берегу речушки Канюки. Электричества там не было, но люди жили, переговаривались женщины и лаяли собаки. Завелась на холостом ходу машина, возможно, военная.

Разведчики начали огибать селение. Они снова десять минут лежали в траве, дожидаясь, пока по дороге пропыхтит колонна. Естественно, украинская. Различались разговоры на мове, бряцало оружие. Линия разграничения осталась позади. Спецназовцы вклинились между вражескими постами.

Как только габаритные огни колонны ушли вперед, начался забег до ближайшего леса. Теперь они шли на север, продираясь через прибрежные заросли.

Канюка хаотично петляла, но постепенно забирала в западном направлении. Переправляться через нее пришлось бы в любом случае. Река не отличалась шириной, но име-

ла обрывистые берега, к которым было трудно подобраться, изобиловала омутами и прочими опасностями. Согласно карте, чуть севернее, перед крупным поселком Бурлак, имелся пешеходный мост. До него Илья и планировал добраться.

Они находились в тылу противника. Линия разграничения отдалялась. Разведывательно-диверсионные группы ополченцев проникали сюда редко. У них не было такой необходимости за неимением здесь интересных объектов. Поэтому укропы в этих краях чувствовали себя как дома.

Группа продолжала медленно преодолевать кустарник и вскоре вышла к мосту, который оказался почти разрушен. Не от войны, а от старости. Он и до коллапса был хлипкий – две пролетные деревянные секции на сомнительных опорах. Сама конструкция висела, держались перила, несущие балки, но вместо наката уцелели лишь отдельные бревна, между которыми зияли провалы. Этой развалюхой явно давно никто не пользовался. Дорога к мосту заросла чертополохом.

– Что, спортсмены-экстремисты, будем пробовать или пойдем на север? – спросил Илья, обозрев сонные окрестности.

– На севере Бурлак, – резонно заметил Беженцев. – А там укропы. Обойти бы это несчастье.

– Я пройду, командир, – сказал Якушенко, пристраивая автомат за спину. – А вы по моим следам. Не возражаешь?

– Дерзай, – согласился Илья. – Только осторожнее. Не

нравится мне это чудо инженерной мысли.

– Фигня! – заявил Якушенко. – Разве это преграда? На полосе препятствий и то сложнее было.

Он ловко балансировал на краю пролета, держась за перила, иногда вставал на поперечины между балками, чтобы передохнуть. Никто не сомневался, что он дойдет. Товарищи выбирались на дорогу, чтобы пристроиться ему в хвост.

Тут-то и случился конфуз. Серега не рассчитал собственного веса. Хрустнула опора под ногой, затрещали, стали ломаться перила, и солидная часть конструкции обрушилась в воду вместе с незадачливым бойцом. Его боевые друзья онемели, застыли. В искалеченном мосту зияла новая пробоина. Из воды всплывали огрызки перил и балок, там мельтешили руки и даже ноги.

– Доктор, мы его потеряли, – заявил Беженцев. – Знаешь, командир, мне почему-то не хочется идти по его следам.

– Мне, если честно, тоже, – признался Илья. – Но он хотя бы попытался.

Спецназовцы улыбнулись, когда над водой показалась голова. Якушенко вразмашку поплыл к берегу и через минуту уже выбирался к обрыву, держась за голову, отбитую доской. Товарищи вытащили его за ворот. Он брыкался и матерился.

– Больно, Серега? – посочувствовал, вздрагивая от смеха, Ткач.

– Я состоявшийся мужик и не должен перед тобой отчитываться, – буркнул Якушенко, посмотрел за спину, на части

моста, плывущие по реке, и сплюнул.

Он был мокрый как суслик, но не утратил ни оружия, ни чувства юмора.

– Ничего, Серега. – Беженцев похлопал его по плечу. – Держись, нужно уметь проигрывать.

– И что, от этого мы выиграем? – огрызнулся тот. – Ладно, хватит издеваться. Я просто облажался.

Хорошо, что ночь была теплая и слечь с простудой бойцу не грозило. Но гнать его дальше в таком виде было бы жестоко. Якушенко разоблачился, отжал одежду, вытряс воду из кроссовок. Ткач пожертвовал товарищу пару чистых носков, Беженцев – свежую футболку.

– Ладно, не переживайте, на мне высохнет, – пробурчал Серега, приводя себя в порядок.

После этого он еще раз придирчиво оглядел мост и предложил:

– Что, мужики, повторим?

– Нет, Серега, спасибо, – заявил Ткач. – Я хочу умереть самым медленным способом из всех возможных.

– Это каким? – не понял Якушенко.

– От старости, – подсказал Беженцев.

– Развеялись, товарищи бойцы? Отдохнули? – строго сказал Илья. – Тогда идем дальше. Переправа сегодня не работает. Нам все равно на север, форсируем реку в другом месте.

Еще один досадный инцидент произошел через полчаса.

Берег Канюки сгладился, кустарник стал проходимым.

Прямо по курсу находился поселок Бурлак. Он раскинулся на обоих берегах реки. Там кипела жизнь и, судя по гулу, исходящему явно не от комбайнов, стояли воинские части. Еще недавно их тут не было.

Значит, переправляться следовало именно в этих местах. Двигаться дальше было опасно, да и глупо. Паленое находилось на западе, в трех верстах. Серьезной преградой Канюка не являлась, но бойцам предстояло плыть. Бродов здесь не было.

Вода журчала совсем рядом. Спецназовцы шли по кустарнику. Впереди в лунном свете различался участок берега, свободный от растительности.

Разведчики практически вышли к нему, как раздался пронзительный рев мотора. Рядом проходила дорога, с нее и свернул к берегу мощный военный джип. Он скатился с небольшого обрыва, запрыгал к воде, заехал передними колесами в реку и встал.

Послышался грубоватый смех. Из машины вышли двое мужчин и столько же женщин. Кавалеры были в военной форме, судя по замашкам, офицеры.

– Галка, Олеська, мы на месте, – провозгласил один из них. – Тут и будем отдыхать. Некогда искать что-то другое. Толян, выноси и мангал. Сейчас искупаемся для начала, девчата, потом мяса пожарим и еще чем-нибудь займемся.

Разбитной офицер приобнял девушку в короткой юбочке.

Ее волосы цвета воронова крыла поблескивали в свете габаритных огней. Она хихикала, липла к кавалеру.

Его сослуживец пытался приласкать вторую даму, но та вела себя сдержанно. Ей, похоже, было неуютно в этой компании. Она обняла себя за плечи, переминалась с ноги на ногу. Офицер кружился вокруг нее и что-то вкрадчиво бормотал. Видимо, он поставил себе задачу охмурить за вечер скромницу. Она же старалась держаться от него подальше.

Офицер вразвалочку подошел к багажнику и стал вытаскивать из него то, что требовалось для пикника. Его приятель начал устанавливать мангал на глинистой площадке у воды. Брюнетка опоражнивала тяжелую сумку с едой и выпивкой.

– Ни хрена себе попали! – сдавленно прошептал Якушенко. – Господа офицеры гуляют с дивчинами. Как нам пройти? Солидный крюк, командир. Пожелаем им долгих лет жизни?

Нарываться не стоило. Группа должна была выйти к месту выполнения задачи незамеченной. Мужчин можно отправить в страну вечной охоты. С женщинами сложнее. Оставалось отползать и пробовать удачи в другом месте.

А события на берегу текли своим чередом. У офицеров выдался свободный вечер, и они решили оттянуться по полной программе. Черноволосая Галка и молодцеватый вояка даром время не теряли, запечатлели на берегу жаркий поцелуй, потом решили раздеться и искупаться.

– Или сперва выпьем, Семушка? – предложила дивчина. Офицер задумался. Дилемма была животрепещущей.

Его приятель уже поставил раскладной столик, рядом с ним мангал. Он уверенно, четкими, отработанными движениями распечатал бутылку, налил горилку в пластиковые стаканчики, вскрыл контейнер с закуской, включил фонарь и пристально уставился на свою спутницу. Та сощурилась, отвернулась. Ей было неловко в этой компании. Она оказалась в сложном положении. Ведь если согласилась сюда приехать, то будь добра соответствовать обстоятельствам.

«Где я ее видел? – вдруг подумал Илья. – А ведь точно было. Такое ощущение, будто я уже общался с этой девушкой, запомнил ее большие глаза, овальное лицо в ореоле выющихся волос. Нет, не может быть, просто дежавю».

В своей жизни он встречал многих девушек, но с этой точно не сталкивался. Все же в груди у Ильи обосновалось легкое беспокойство.

Офицер по имени Толян протянул девушке стаканчик. Та поколебалась, но взяла его. Толян махнул свою дозу, крикнул. Девушка никак не решалась выпить.

– Ну, давай, Олеська, не жеманься, – заявил офицер. – Чего это ты такая зажатая? Все хорошо. Мы ж просто отдохнуть приехали.

Девушка сомневалась, что все так просто, медленно поднесла к губам стаканчик. Первые двое уже разоблачились, тискали друг дружку, стоя по колено в воде.

– Олеся, да все хорошо, что ты как неживая, расслабься! – выкрикнула брюнетка. – Это классные парни. Они лечились в нашем госпитале, забыла?

Девушка отмолчалась.

Толян вдруг заерзал, некультурно схватился за мотню, что-то буркнул и торопливо засеменял к кустам.

Якушенко в ужасе начал отползать. И было с чего! Офицер не стал забираться в дебри, встал у крайнего куста, расстегнул штаны, и тугая струя ударила по веткам. Илья сдержал смех. Противник нанес превентивный удар по доблестному спецназу! Якушенко вовремя убрался из зоны поражения.

Толян сопел, удовлетворенно урчал, с удовольствием рыгнул. Илье стало понятно, что перед поездкой на пикник офицеры активно разминались пивком.

Толян сделал свои дела, застегнулся и вдруг что-то увидел на земле, в самой гуще молодого ивняка. Несколько мгновений он щурился, пытаясь понять, что это такое. Офицер присел на корточки, подался вперед и вытянул шею, но видно все равно было плохо. Тогда он выудил из кармана сотовый телефон и включил в нем фонарик.

– Толян, ты что там увидел? Клад нашел или колорадского диверсанта? – весело спросил Семушка.

Он даже не представлял, до какой степени оказался прав. Тянуть резину не имело смысла. То, что высматривал Толян, было рукой Ткача, в которой он сжимал нож, отточенный до

синевы.

– Серега, твой второй, – выдохнул Илья, отталкиваясь пяткой от бугорка.

Конечно, ему и надо разбираться с Семушкой. Он все равно уже мокрый. Скрюченное тело распрямилось как сжатая пружина. Толян ахнул, когда из кустарника на него набросилось что-то страшное, лохматое, попятился, но опоздал.

Илья сбил его с ног, они покатались по земле под истошное верещание девиц. Нож Ткачу не понадобился. Он двумя ударами вбил офицеру в глотку содержимое рта и откинулся, чтобы не окатило рвотой.

Якушенко действовал параллельно. Он летел к офицеру в плавках, стоящему по колено в воде. Того сразил столбняк, он только и успел оттолкнуть верещащую девицу. Серега рухнул на противника, как Гастелло на железнодорожную станцию, забитую товарными составами. Противники скрылись в воде. Потом Якушенко вскочил на ноги, схватил за щиколотку захлебывающегося героя-любownika и поволок его на берег.

Офицер кашлял, извивался. Он быстро пришел в себя, но это ему не помогло. Серега тоже не стал использовать нож. Ему хватило двух ударов, чтобы на побережье появилось еще одно бесчувственное тело.

Девушка по имени Олеся превратилась в соляной столб. Она обняла себя за плечи и с ужасом смотрела на происходящее. Илья определенно где-то видел ее, но у него возник-

ло странное чувство, что это «где-то» не имело конкретных привязок к материальному миру.

Ее подруга затравленно металась между Семушкой, которому все стало по барабану, и машиной, откуда разливалась бодрая украинская музыка. Потом она прижалась к капоту и со страхом уставилась на Беженцева, который вразвалочку подошел к ней и показал кулак. Девушка поперхнулась и ничего не сказала. Это было правильно. Молчание – самая надежная профилактика всех проблем.

Якушенко сдавленно ругался. Мол, что за ночь такая? Прямо как в песне: «Вода, вода, кругом вода».

Илья бегло осмотрел тела. Пусть лежат, на пару часов такой профилактики должно хватить. Да, нельзя оставлять в тылу людей, информированных о наличии в этом районе РДГ ополченцев, но что делать? Руководствоваться, как большевики, революционной целесообразностью, то есть тупо всех замочить? На безоружных мужиков не поднимется рука, на женщин – тем более. Но запугать этих красавиц стоило.

Разведчики с угрожающим видом приближались к девушкам. Те попискивали, прижимались друг к дружке. С брюнетки слетела спесь, ее миловидное лицо исказила пещерная жуть. От страха отнимались конечности.

– Не убивайте, очень прошу, – хрипло пробормотала она.

Вид у людей, окруживших их, был, конечно, еще тот. Зловещие персонажи из сказок про леших и упырей. Олесья об-

реченно закрыла глаза, когда по ней забежал луч фонаря.

«Может, так оно и лучше? – подумал Илья. – Не буду бесконечно ломать голову, откуда, черт возьми, я ее знаю. И вообще пусть радуется, что не стала жертвой сексуального насилия. Толян был настроен решительно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.